

1949 ГОД: «ГЕРМАНСКИЙ ВОПРОС – КЛЮЧЕВАЯ ПРОБЛЕМА АМЕРИКАНСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ»

В.П. Скок

Исторически сложилось так, что все основные американские идеи о будущем Германии в той или иной мере объяснялись Вашингтоном с точки зрения приоритета обеспечения безопасности США. Отсюда в Соединенных Штатах появились доктрины «сдерживания», «освобождения», а в более позднем варианте и «массированного возмездия». На протяжении всего периода существования германского вопроса США следовали тезису об установлении «демократическо-плюралистско-западной» системы во всем мире.

Со второй половины 1948 г. идея военно-политического союза с западноевропейскими странами становится центральным направлением внешней политики США. Значительным шагом на этом пути явился документ, получивший название «резолуция 329», принятый сенатом 11 июля 1948 г. и широко известный как «резолуция Ванденберга».

В документе провозглашались основные принципы американской внешней политики, в частности, в качестве цели намечалось «присоединение США, посредством конституционной процедуры, к тем региональным и коллективным соглашениям, которые базировались бы на постоянном и действенном стремлении к самозащите и к взаимопомощи, и затрагивали бы интересы национальной безопасности Соединенных Штатов» [9, р. 197]. Резолюция представляла собой исторический поворот в американской внешней политике, поскольку порывала с традицией, в соответствии с которой США не должны были участвовать в «связывающих союзах» за пределами Западного полушария в мирное время.

Документ, предложенный сенатором А. Ванденбергом, заложил предпосылки для того, чтобы президент США Г. Трумэн смог санкционировать начало в Вашингтоне предварительных переговоров, открывавшихся 6 июля 1948 г. и завершившихся в марте 1949 г., когда все проблемы относившиеся к заключению Североатлантического договора или Атлантического пакта, были решены.

Германский вопрос являлся доминирующей темой, поскольку он обуславливал как характер обязательств французов, так и политические аспекты союза. Неуверенность в вопросе о будущем Германии создавала неуверенность для всей Европы. К тому же, как утверждал заместитель государственного секретаря Р. Ловетт «долгосрочные планы европейской интеграции, если они не будут определенными в вопросе об участии Германии, будут не реалистичны» [2, с. 152]. С призывом сделать Германию стержнем американской европейской и глобальной политики выступал и руководитель Бюро политического планирования государственного департамента Дж. Кеннан, называвший германский вопрос «ключевой проблемой американской безопасности в буквальном смысле слова» [6, р. 65]. Для американцев уже с тех пор ни один проект оборонительной организации в Европе не был возможен без участия Германии.

4 апреля 1949 г. представители двенадцати правительств подписали в Вашингтоне договор о Североатлантическом союзе НАТО. Г. Трумэн прокомментировал это решение как «эпохальное», а Североатлантический пакт назвал «оборонительно-наступательным союзом». США обеспечили в НАТО не только руководящее, но и особо привилегированное положение. Создание НАТО и Берлинского «воздушного моста» (1948 г.) следовало понимать как политическое предостережение Советскому Союзу, хотя в обеих акциях речь шла об оборонительных мероприятиях Запада. В результате создания НАТО США и Западная Германия стали главными партнерами военно-политического блока.

При всех специфических особенностях этой военно-политической организации ее образование означало трансформацию понятия «сдерживания» из категории, обозначенной термином «containment» (политическое сдерживание), в более жесткую категорию, именованную «deterrence» (военно-политическое сдерживание через устрашение). Эти идеи нашли отражение в новом американском плане ядерной войны против СССР (кодовое наименование «Дропшот»), который был утвержден Г. Трумэном в 1949 г. С другой стороны, эти события способствовали утверждению во внешней политике СССР концепции «двух противостоящих лагерей» и усилению всесторонней борьбы против «империалистической агрессии». 19 сентября 1949 г. президенту США предоставили неопровержимые данные о появлении в СССР атомной бомбы.

В основу всей внешней политики США в отношении Германии с конца 1949 г. был положен тезис, провозглашенный американским Верховным комиссаром Дж. Макклоем: европейские проблемы неотделимы от германской проблемы. Экономическое сотрудничество ФРГ с западными державами должно было привести к заключению между ними политического союза, то есть к принятию западногерманского государства в западноевропейское сообщество и, в конечном счете, в Атлантический блок. В качестве конечного результата намечалась ремилитаризация ФРГ как интегральной части Западной Европы и союзника, в первую очередь, США. Для Соединенных Штатов возникла необходимость изыскивать новые резервы для укрепления своего внешнеполитического влияния. Именно в это время в Америке стала пропагандироваться идея о том, что только военно-политическое единство Запада может спасти его от «советской угрозы». Исключительно важная роль, отводившаяся Западной Германии в планах США, определялась ее стратегическим положением, военно-промышленным потенциалом и людскими ресурсами. Поэтому открытый переход США к перевооружению ФРГ именно в конце 1949 – начале 50-х гг. не являлся случайным.

Ремилитаризация Германии впервые стала предметом германо-американских переговоров, как только канцлер К. Аденауэр через несколько недель после создания своего правительства установил первый контакт с государственным секретарем США Д. Ачесоном во время его визита в Бонн в ноябре 1949 г. Министры иностранных дел трех западных держав 9 – 10 ноября 1949 г. встретились в Париже, чтобы наметить основы политики сотрудничества с новым западногерманским государством. В официальном коммюнике, опубликованном после этого совещания 11 ноября, говорилось, что три министра

сочли целесообразным поддержать и поощрить интеграцию германского народа в европейское сообщество. Это решение Парижского совещания было расценено в США как самое важное решение за весь послевоенный период, так как оно связывало Западную Германию с Западной Европой в экономическом, политическом, а может быть ... и в военном отношениях [4, с. 82].

Сперва К. Аденауэр в интервью американской газете «Кливленд плейн дилер» 3 декабря 1949 г. заявил: «Даже если бы союзники выдвинули требование германского участия в обеспечении безопасности Европы, я отказался бы от создания германских вооруженных сил. Но с самого начала я был бы готов рассматривать вопрос о германских военных контингентах в рамках европейской федерации и на базе полного равноправия». В то же время на конференции Христианско-демократического союза в Дюссельдорфе 8 декабря 1949 г. он поспешил заверить аудиторию, что вклад Федеративной Республики в оборону Западной Европы ни в коем случае не ослабит антивоенную и антимилиитаристскую позицию правительства, за оборону Германии отвечают те, «кто нас разоружил».

К. Аденауэр предвидел, что Федеративной Республике придется принять участие в создании ее собственной обороны, и изложил условия, на которых он согласится на это: «Если наш народ когда-либо в будущем заставят принять участие в защите Европы, мы сможем сделать это только на базе полного равноправия и в рамках европейской армии» [8, р. 220]. То есть европейская интеграция, как высшая цель американской политики, направленной к миру и безопасности в Европе, требовала в качестве условия ее осуществления ремилитаризацию Германии. По этому поводу президент ФРГ Т. Хейс в своем заявлении агентству Ассошиейтед пресс 8 декабря 1949 г. высказался категорически против ремилитаризации Германии, под чье бы командование она ни была поставлена [1, с. 81].

С одной стороны федеральный канцлер понимал, что своей готовностью на участие Германии в европейской армии он занял непопулярную в обществе и на международной арене позицию. Слишком свежи еще были воспоминания о нацизме и войне, чтобы вооружение Германии могло найти положительный отклик в Европе. Но с другой стороны, потребность в немецкой живой силе для европейской армии представлялась Аденауэру тем рычагом, с помощью которого можно было сдвинуть с мертвой точки дело достижения суверенитета и равноправия для ФРГ [3, с. 159].

«Холодная война» в межгерманских отношениях на фоне набравшего силу противостояния между США и СССР содействовала еще большему размежеванию и расколу. В этот период был упущен ряд позитивных возможностей в решении германского вопроса. Одной из них было предложение Верховного комиссара США Дж. Макклоя провести общегерманские свободные выборы [7, р. iv], о чем он вначале февраля 1950 г. заявил на пресс-конференции во Франкфурте-на-Майне, а затем в официальном письме главнокомандующему группой советских войск в Германии генералу армии В.И. Чуйкову. Советское руководство проигнорировало это американское предложение и даже не дало на

него формального ответа. Хотя в общем и целом необходимо признать: «выборов никто не хотел, но все это тщательно скрывали» [5, с. 122].

Что же касается федерального канцлера, то он однозначно сделал свой выбор относительно будущего Западной Германии: он хотел «ввести ФРГ в клуб сверхдержав». Чтобы открыть его двери К. Аденауэр нуждался, как он полагал, в укреплении военной мощи западногерманского государства под американской опекой, что не совпадало в конце 1949 г. начале 1950 г. с потребностью европейцев в ослаблении напряженности. В начале 1950 г. все выглядело так, что К. Аденауэр попал в полную изоляцию. Показателем трудного положения, в котором тогда очутился К. Аденауэр, была инициатива о заключении «политического союза» между ФРГ и Францией, выдвинутая канцлером 7 марта 1950 г. Но французское правительство не проявило энтузиазма по поводу идеи «унии» с ФРГ. В действительности же К. Аденауэр никогда не думал, что он сможет выбирать между Парижем и Вашингтоном. Уверенность в том, что американцы останутся в Германии была альфой и омегой его политики. К. Аденауэр демонстрировал преданность Вашингтону по поводу и без повода и добился того, что о нем говорили как о «лучшем американце Европы». Ставка на США оправдалась. Между администрацией Соединенных Штатов и канцлером установилось взаимопонимание. Но одновременно К. Аденауэр заигрывал и с Великобританией и с Францией, которым совсем не нравились тесные связи между ФРГ и США.

Таким образом, для США с германской проблемой связывались планы создания прочного плацдарма на Европейском континенте как одной из предпосылок их «глобальной политики». И какие бы внешне глубокие изменения не претерпела за истекшие годы позиция США в этом вопросе, ее главный смысл оставался прежним.

Литература

1. Дзелепи, Э. Конрад Аденауэр: легенда и действительность / Э. Дзелепи. – М.: Изд-во ин. лит-ры, 1960. – 184 с.
2. Ди Нольфо, Э. От истоков холодной войны до энергетического кризиса 1973 г.: в 3 ч. / Э. Ди Нольфо. – М.: МГИМО, 2001. – 1 ч. – 241 с.
3. Новик, Ф.И. «Оттепель» и инерция холодной войны (Германская политика СССР в 1953 – 1955 гг.) / Ф.И. Новик. – М.: Институт российской истории РАН, 2001. – 280 с.
4. Сборник документов США, Англии и Франции о Германии (май 1949 г. – декабрь 1951 г.): сб. док-тов / МИД СССР. – Москва, 1952. – Вып. 2. – 255 с.
5. Филлитов, А.М. Германский вопрос: от раскола к объединению. Новое прочтение / А.М. Филлитов. – М.: Международные отношения, 1993. – 240 с.
6. Kennan, G. Realities of American Foreign Policy / G. Kennan. – Princeton: Prin. Univ. Press, 1954. – 119 p.

7. Office of the United States High Commissioner for Germany: Report covering development in Germany during the first quarter of 1950. January 1 to March 31, 1950: Report / United States Govnt. Print. Off. – Washington, 1950. – 70 p.
8. Stebbins, R.O. The United States in world affairs, 1949 / R.O. Stebbins. – N.Y.: St. Martin's Press, 1950. – 350 p.
9. United States. Congress. Senate. Committee on foreign relations. A Decade of American Foreign Policy: Basic Documents 1941 – 1949: Basic Documents / United States Govt. Print. Off. – Washington., 1950. – 1381 p.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ